

Военные
Приключения

ФОРМУЛА УНИЧТОЖЕНИЯ

АЛЕКСАНДР ЗЕЛЕНСКИЙ

Александр Зеленский
Грядет царь террора

«ВЕЧЕ»

Зеленский А. Г.

Грядет царь террора / А. Г. Зеленский — «ВЕЧЕ»,

Странные вспышки смертельно опасных заболеваний, возникающие в разных, расположенных далеко друг от друга государствах. Загадочная секта, активно разворачивающая свою деятельность в российской столице... Что их объединяет? На этот непростой вопрос необходимо ответить оперативнику Вадиму Краснову.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	26
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Зеленский

Грядет царь террора

Пролог

Жители села Шугаево в зимний период спать ложились довольно рано, как только на улице стемнеет. Так заведено здесь было еще при дедах-прадедах, так осталось и по сей день. Поэтому вначале никто и не заметил появления за сельской околицей чужого человека. Это был совсем еще молодой парень среднего роста в овчинном тулупе и мохнатой меховой шапке.

В общем-то ничего особенно примечательного в его внешности не замечалось, если только не обращать внимания на то, что он здорово перебрал спиртного. По крайней мере так могло показаться со стороны, поскольку молодой человек поминутно спотыкался, скользил по утопанной и прихваченной морозцем дороге и то и дело падал, что называется, на ровном месте. Из-за этого его черный тулуп больше походил теперь на белые «одежды» снеговика, слепленного сельской детворой, до того он вывалился в снег.

Кое-как добравшись до крайнего дома-развалюхи, принадлежавшего общественному пастуху Демьянычу, неизвестный что было сил забарабанил кулаками в дверь, переполошив местных собак.

– Кого это там нелегкая принесла?! – сердито крикнул Демьяныч, нехотя вылезая из-под стеганого теплого одеяла, но ответа на свой вопрос так и не дождался.

Сунув ноги в валенки, Демьяныч, вооружившись на всякий случай топором – мало ли какие гости к нему пожаловали, – отпер засов и, приотворив дверь, высунулся на крыльцо. Тут-то он и увидел человека, лежавшего на ступеньках без признаков жизни.

– Эй, приятель! Ты чего тут разлегся?.. – испуганно пробормотал Демьяныч и, подойдя к незнакомцу, перевернул его на спину.

То, что он увидел в следующий миг, пробрало его до самых костей, заставив шевелиться даже последние жиденькие волосенки на затылке. На него глянула жуткая маска смерти. Демьянычу даже показалось, что все лицо неизвестного состоит из одной сплошной язвы, источавшей кровь и гной.

– Матерь Божья! – пробормотал пастух. – Тебя же, паря, в больницу надоть!..

Но этому несчастному больница была уже не нужна, как и двум его друзьям – охотникам, приехавшим в Хреновское лесничество, чтобы отвести душу и поохотиться на кабанов. Оба скончались еще днем от неизвестной болезни в охотничьей избушке. Третьему же как-то удалось добраться до ближайшего села. Но только для самих жителей Шугаево было бы гораздо лучше, если бы он сделать этого не смог.

Демьяныч умер через три дня. Его односельчане пережили старого пастуха ненадолго. Кто скончался после него через три, а кто через пять дней. К тому времени Шугаево было обнесено санитарным кордоном и окружено солдатами. Но все эти карантинные мероприятия самим жителям помочь уже не могли.

* * *

Двое молодых людей ничем не примечательной внешности, одетых в спортивные костюмы, направлялись в своем черном «мерседесе» на юг Англии, в графство Дорсет. Примерно в четырехстах километрах от Лондона они свернули с магистрального шоссе на небольшую дорогу, ведущую через красивый ухоженный парк с вековыми деревьями в сторону

Парнам-Хауса – старинного трехэтажного особняка, принадлежавшего Джону Мейкинсу, владельцу престижного частного колледжа.

Оставив машину под сенью столетних парковых дубов, молодые люди, взобравшись на одно из развесистых деревьев у опушки, принялись изучать дом и прилегающую к нему местность с помощью довольно мощных биноклей. Сначала они оглядели все пристройки к старинному дому, затем переключили свое внимание на площадку для спортивных игр, где учащиеся колледжа, разбившись на группы, занимались кто волейболом, кто футболом, а кто и тяжелой атлетикой.

– Я его заметил! – сказал один из наблюдателей, сидевший на дереве чуть выше своего товарища. – Он находится среди волейболистов. Теперь ты его видишь? Нет? Он стоит у самой сетки. Вот! Только что он парировал удар с противоположной стороны, поставив блок... Теперь видишь?

– Из тебя мог бы выйти неплохой спортивный комментатор, – ухмыльнулся второй наблюдатель, настраивая свой бинокль на волейбольную площадку, поскольку до этого разглядывал группу девушек в купальниках, собиравшихся устроить заплыв в бассейне, находившемся слева от дома. Тут же его лицо напряглось, и он добавил к уже сказанному: – Пожалуй, ты прав! Это тот, кто нам нужен, судя по его фотографии...

А белобрысый худощавый подросток лет пятнадцати с целой гроздью веснушек на лице продолжал, ничего не подозревая, играть в волейбол до того момента, пока его не отозвал приятель.

– Серж! Тебя там спрашивали двое! – крикнул чернявый юноша, шедший со стороны парка.

– Кто такие? – удивился веснушчатый, сходя с площадки.

– Откуда мне знать! Я их вообще первый раз вижу. Сказали, что у них к тебе послание от твоего отца.

– Неужели они приехали из России?.. – еще больше удивился Серж.

– Не знаю, не знаю! Они ждут тебя в парке.

– Уже бегу!

Он увидел их через пять минут у черной машины. Оба то и дело поглядывали на часы.

– Вы меня спрашивали? – спросил по-английски Серж.

– Тебя, тебя! Ты ведь Сергей, не так ли? – на ломаном русском языке спросил один из незнакомцев.

– Все правильно! – переходя на русский, ответил Сергей.

– Твой отец просил передать тебе письмо и сделать один подарок. Но для этого ты должен подъехать с нами до основной дороги, ведущей к Лондону. Там ждет наш микроавтобус с твоим подарком. Машина сломалась. А подарок такой большой, что... В общем, поехали, сам все увидишь.

Заинтригованный подросток спокойно уселся на заднее сиденье.

– Только потом привезите меня обратно, – попросил он.

– Обязательно! – нехорошо ухмыльнувшись, проговорил первый из незнакомцев, усаживаясь за руль.

Второй сел рядом с Сергеем.

– Поехали! – сказал он водителю, незаметно доставая из спортивной сумки шприц с каким-то препаратом.

Когда машина резко тронулась с места, второй незнакомец быстро воткнул иглу в обнаженное бедро подростка.

– Что вы делаете?! – это были последние слова, которые прокричал Сергей, прежде чем потерять сознание.

Глава 1

Взгляд Врага

В кабинете номер 11 Управления Z горел неяркий ночник, освещавший письменный стол без ящиков и закрывающихся дверок. За ним работал черноволосый мужчина лет сорока в цивильном костюме с профилем римского легионера. Это сходство могло бы особенно броситься в глаза тому, кто посмотрел бы сейчас на безымянный палец его левой руки, на котором был надет серебряный перстень с изображением профиля римского легионера. Однако сравнить было некому, потому что оперативник Управления Z майор Вадим Николаевич Краснов в кабинете находился в гордом одиночестве.

Перед ним лежала целая кипа спецтелеграмм, помеченных грифом «ОО», что означало их особую секретность. Над ними уже потрудились шифровальщики из отдела полковника Грекова, и теперь Вадиму Николаевичу не надо было тратить время на их дешифровку, используя известные ему коды.

Отобрав пять телеграмм, майор Краснов углубился в изучение их содержания. Это продолжалось в общей сложности около получаса. Затем он разложил телеграммы, как игральные карты при пасьянсе, перевернув их текстом вниз.

«Посмотрим, что получится», – подумал он, переворачивая одну из телеграмм с левого края. Вначале ему попало сообщение о вспышке неизвестной чумоподобной инфекции в поселке Шугаево, унесшей жизни пятидесяти семи жителей поселка и троих охотников, приехавших из Воронежа. Следующая телеграмма несла в себе информацию об очаге подобной инфекции в Северном Казахстане. Там в пятидесяти километрах от Акмалы погибли двадцать три человека в шахтерском поселке. Затем он перечитал сообщение о вспышке инфекции на борту траулера «Капитан Невельской», приписанному к Находкинскому рыбному порту. Никто из двадцати одного члена экипажа не уцелел.

«А только ли на территории бывшего СССР гуляет эта неопознанная зараза? – задал самому себе вопрос Вадим Николаевич и тут же, открыв остальные телеграммы, ответил: – Нет! Вымер целиком воинский гарнизон в бразильской сельве. Это раз. Погибли жители небольшого села в Боснии. Это два. Хватит? Вполне! Из всего этого можно сделать вывод, что кто-то неизвестный, назовем его X, сумел создать абсолютно новый штамм чумоподобных микробов и теперь испытывает их на людях...»

Майору Краснову показался настолько неправдоподобным его собственный вывод, что он резко смахнул спецтелеграммы на пол и, встав со стула, походил по ним ногами, обутыми в лакированные ботинки. Зачем он это сделал? Вадим Николаевич и сам не смог бы точно ответить на этот вопрос. Так ему захотелось. Но это его «разгуливание» по особо секретным бумагам не привело к просветлению в мозгах, и он, нагнувшись, быстро собрал помятые телеграммы и водрузил их обратно на стол. И сделал он это, надо сказать, весьма вовремя, поскольку именно в этот момент раздался вызов по видеосвязи и на экране монитора, стоявшего на самом почетном месте в центре стола, возникло изображение седовласого человека с высоким лбом и холодными пронзительными глазами, которыми начальник отдела полковник Ветлугин, казалось, видел всех своих оперативников насквозь.

– Майор, срочно зайдите ко мне! – приказал он тоном, не терпящим возражений. – Похоже, что для вас есть интересная работенка.

– Слушаюсь! – четко ответил Краснов.

При этом ему подумалось, что он догадывается, какую «работенку» имеет в виду его начальник. Тут не надо быть семи пядей во лбу. Речь, конечно же, пойдет об оперативном рас-

следовании случаев возникновения очагов неизвестной инфекции. Ведь это как раз и входило в его прямые обязанности.

Однако прежде чем выйти из кабинета, майор Краснов аккуратно сложил все телеграммы в стопку, взял ее в руки и, подойдя к стене с выходом пневмопровода, уложил стопку особо секретных бумаг в специальную трубу, а затем отправил ее по пневмопроводу секретчикам. Так полагалось по инструкции.

И вот тогда, именно в этот самый момент, он и почувствовал тяжелый, смертельно опасный взгляд в свой затылок. «Нонсенс», – попробовал успокоить себя Краснов. Этого просто не может быть! Ну кто может проникнуть сюда, в помещение, особо охраняемое не только специально подготовленными людьми, а еще и современной электротехникой? Никто и никогда... Если только это не...

Майор Краснов быстро повернулся и, конечно же, никого не обнаружил за своей спиной. Однако ощущение чужого взгляда не покидало его. И тут ему припомнилось точно такой же случай, происшедший с ним в Афганистане. Да, да! Именно там. Когда он участвовал в ликвидации очага чумы, командуя специальным противочумным отрядом. Этот пристальный взгляд врага он долго не мог забыть даже после возвращения из той смертельно опасной командировки. А ведь тогда он еще казался самому себе неким суперменом, которому сам черт не брат. Он думал, что никогда и ничто его не сможет испугать. Но...

Он ошибался.

* * *

Кабинет полковника Ветлугина ничем не отличался от кабинета номер 11, в котором Вадим Николаевич работал до вызова к начальнику. Такое же квадратное помещение, напичканное электроникой, стол с экраном видеосвязи, являвшимся одновременно и монитором в цепи «монитор – процессор – принтер», а рядом, прямо в стене, – выход трубы пневмопочты.

Полковник Ветлугин не любил долгих разговоров. Будучи сам человеком немногословным, он ценил это качество и в своих сотрудниках. Но на этот раз полковник оказался несколько разговорчивее, чем обычно.

Услышав щелчок электронного замка, открывающего дверь кабинета майору Краснову, Сергей Владиславович, одетый, как и его сотрудник, в гражданский костюм, поднялся с кресла и пожал руку вошедшему оперативнику.

– Насколько я понимаю, вы успели ознакомиться с материалами по заражению людей в разных точках земного шара неизвестной нашей наукой инфекцией? – сразу спросил он у Краснова.

– Так точно! – коротко ответил майор.

– Считайте, что оперативное дело открыто. Я подготовлю надлежащее распоряжение по отделу.

Полковник помолчал, задумчиво глядя на Краснова.

– Теперь так, – снова проговорил он. – Только что получено сообщение о странном случае заражения, повлекшем за собой гибель пятнадцати человек. Все они являлись сотрудниками одной московской фирмы. Я хочу, чтобы вы разобрались с этим делом лично. Безусловно, там уже ведут свое расследование и милиция, и прокуратура, но я хочу с вашей помощью составить собственное представление об этом деле. Возможно, оно окажется в нашей подведомственности.

– А что за фирма? – поинтересовался Краснов.

– Вполне уместный вопрос. Фирма хитрая. На первый взгляд, самая заурядная торговая-закупочная база, коим несть числа. Крупный опт, мелкий опт... Покупают и перепродают там в основном сельскохозяйственную продукцию. А называется эта фирма... – полковник

повернулся к монитору компьютера и, набрав нужную программу, прочитал прямо с экрана: – «Дельта». Генеральный директор Фирсов Никита Семенович. Адрес: Котельническая набережная, 16. Подвалы жилого дома. Ход со двора. Информация об этом случае должна быть у меня к завтрашнему утру. Вам все ясно?

– Предельно.

– Вот и хорошо. Действуйте!

Через пять минут майор Краснов уже мчался по ночной столице из Выхино, где находилось Управление Z, в сторону центра. Вадим Николаевич сам вел служебную «Волгу», чего в прежние времена ему вряд ли бы разрешили. Но ситуация с ходом перестройки резко изменилась. Теперь особо секретное Управление Z, ранее принадлежавшее КГБ СССР, вышло из-под его подчинения. Произошло это в связи с реорганизацией столь заметного во всем мире учреждения. Но в систему ФСК, а потом и ФСБ Управление так и не вошло. Но это совсем не означало, что «контора» вовсе забыла об одном из своих подразделений. Просто получилось так, что за владение Управлением Z, занимавшимся борьбой с контрабандной перевозкой радиоактивных материалов, а также химических и бактериологических средств, теперь негласно боролись сразу несколько силовых министерств, от Федеральной пограничной службы до Министерства обороны. Впрочем, не прочь были бы прибрать его к рукам и МВД, и МЧС, и даже... Министерство здравоохранения. Но пока никому из претендентов не удавалось заполучить столь «богатую невесту». И Управление Z продолжало отслеживать ситуацию, складывающуюся внутри России и за ее пределами, в отношении заноса особо опасных инфекций. Правда, делать это оперативникам из эпидемиологического отдела становилось все сложнее, поскольку государство нерегулярно и не в полном объеме финансировало деятельность и Управления, и его подразделений.

Потому-то и приходилось операм Управления больше использовать личный транспорт для исполнения служебных обязанностей. А если им и предоставлялись служебные машины, то без водителей.

В фирме «Дельта», несмотря на позднюю ночь, работала оперативно-следственная бригада.

«Дня им не хватает, – раздраженно подумал Краснов, предъявляя свое удостоверение офицеру милиции, охранявшему вход в офис. – Теперь и оглядеться как следует не удастся».

Честно говоря, Вадим Николаевич рассчитывал на то, что милиция уже закончила свою работу на месте преступления.

– Майор Краснов? – переспросил капитан милиции, подходя к лейтенанту, загородившему проход вновь прибывшему, и отбирая у него удостоверение Краснова. – Да, так и есть, – глянув в раскрытое удостоверение, проговорил он. – Нас только что предупредили о вашем приезде. Можете спокойно работать. Мешать вам никто не будет. Если возникнут какие-то вопросы, то обращайтесь прямо ко мне. Я следователь Трофимов.

– А что это вы так запозднились? – спросил Вадим Николаевич капитана, идя вслед за ним по длинному коридору.

– Проводим вместе с прокуратурой следственный эксперимент, – повернувшись к Краснову, ответил Трофимов. – Что еще вы хотите знать?

– Хотелось бы услышать вашу версию о происшедших здесь событиях, – проговорил Вадим Николаевич, заглядывая в один из пустых кабинетов. – Если не возражаете, то давайте здесь и поговорим.

– Хорошо, – сразу согласился капитан, заходя в указанный кабинет, больше походивший по своим размерам на небольшой концертный зал, и по-хозяйски располагаясь за круглым столом, стоявшим в самом центре этого помещения.

Помолчав несколько секунд, будто собираясь с мыслями, капитан продолжил:

– Приехав по вызову, наша оперативно-следственная группа застала тут картину типичного вооруженного ограбления. Трое охранников оказались убиты. Мебель во всех помещениях изуродована, бумаги разбросаны по полу... В общем, картина еще та. Только этот кабинет, по сути дела, и уцелел от нашествия грабителей. Сюда они почему-то не заглянули. Ну мы, как положено, провели обычные в подобных случаях мероприятия и уехали. Все это было утром прошедшего дня, а вечером поступило новое сообщение из этой же фирмы. Скоропостижно скончались пятнадцать сотрудников – прямо на своих рабочих местах. Судебно-медицинская экспертиза предполагает, что произошло массовое отравление каким-то неизвестным ядом. Но это пока предварительное заключение... Более основательные выводы они обещают сделать после вскрытия трупов. В общем, странный, доложу вам, случай. Пока еще сам не пойму, что здесь случилось. Но одно ясно: здесь произошло не совсем обычное вооруженное ограбление. Больше того, все, что наворотили тут так называемые «грабители», никак не укладывается в прокрустово ложе привычной схемы...

– Спасибо, – сказал Краснов. – А теперь мне хотелось бы самому осмотреть офис.

– Нет проблем. Если захотите, то можно будет устроить вам встречу с генеральным директором фирмы Фирсовым. Он, кстати, тоже здесь. Сидит в своем кабинете и сосет таблетки валидола... Его кабинет находится по соседству с этим помещением.

– Обязательно с ним переговорю, – еще раз поблагодарил милицейского следователя Краснов, выходя из кабинета.

Чтобы обойти все помещения офиса фирмы «Дельта», Вадиму Николаевичу потребовалось около сорока минут. Впрочем, в кое-какие кабинеты он так попасть и не смог, поскольку они оказались закрытыми и опечатанными.

И все же больше всего времени он провел в небольшой столовой, зачем-то открывая и закрывая холодильники, в которых раньше хранился запас продуктов. Теперь они оказались абсолютно пусты. «Наверное, все продовольствие отсюда забрали на лабораторные исследования», – подумал Краснов, возвращаясь к кабинету генерального директора.

Никиту Семеновича Фирсова – лысоватого человека лет тридцати пяти – майор застал за странным занятием. Генеральный директор, встав на колени, молился, обратя свой взор на икону Николая Чудотворца, висевшую в углу. Возле нее горел маленький огрызок церковной свечи.

Заметив вошедшего незнакомца, Фирсов поднялся с колен и, смахнув с глаз набежавшие слезы, неожиданно произнес:

– Я ведь должен был умереть вместе с ними... Меня Бог спас! Да, да, именно Бог! Понимаете, у меня гастрит с повышенной кислотностью и плюс еще гастродуоденит. Улавливаете мою мысль?..

Краснов не улавливал. Ему показалось, что от всех передрыг прошедшего дня у Фирсова, попросту говоря, поехала крыша.

– А что случилось? Те, кто пообедал в нашей столовой, те и... А мне, понимаете, принесли на подносе! И первое блюдо, и второе... И даже компот! Но я выпил только один компот, и все. Вы понимаете? И все! А если бы я... О, дьявол! – Фирсов схватился за голову и, раскачиваясь на одном месте, зарыдал.

Краснов понял из короткого монолога генерального директора, что тот находится не в том состоянии, чтобы задавать ему вопросы. Сейчас он просто не сможет внятно на них ответить. Лучше всего было оставить его в покое. Так Вадим Николаевич и поступил.

Выйдя из кабинета Фирсова, он прошел в соседний зал, в котором уже был вместе с капитаном Трофимовым. Захотелось остаться одному и тщательно обдумать все то, что он увидел в фирме «Дельта». Для этой цели кабинет-зал подходил как нельзя лучше. Выключив свет, Краснов уселся в мягкое кресло возле окна и, смежив веки, глубоко задумался. Тут-то и появилось то самое ощущение тяжелого взгляда невидимого врага, уставившегося ему в

затылок, которое майор уже почувствовал этой ночью, находясь в кабинете № 11 Управления Z. Показалось, что стоит посмотреть сквозь застекленное окно, как он обязательно увидит его во дворе. Увидит и узнает. Конечно же, он стоит там и смотрит на него глазами без зрачков, ледяными глазами убийцы...

«Нет, определенно я схожу с ума, – подумал Краснов. – Чем я в таком случае лучше этого бедняги Фирсова? Похоже, что к нему враг подошел слишком близко. Так близко, что от одного его дыхания у генерального директора помутился рассудок... Хватит, хватит! – прервал самого себя Вадим Николаевич. – Эдак можно додуматься Бог знает до чего! Надо что-то делать, что-то предпринимать. Но что?.. Вот что! – неожиданно решил он про себя. – Необходимо пригласить для консультации хорошего специалиста, врача. А кто лучше всех сможет разобраться с заразой, унесшей в могилу пятнадцать человек в этой фирме? Только доктор Знаменский. Александр Григорьевич Знаменский, который уже неоднократно помогал мне разобраться в самых запутанных историях. Да, именно его консультация мне необходима...»

Выйдя из кабинета-зала, Краснов прошел к выходу из офиса и, попросив разрешения воспользоваться телефоном, набрал хорошо знакомый ему номер своего старинного друга и советчика доктора Знаменского. При этом он совершенно забыл, что было уже три часа ночи и нормальные люди попросту спали.

Но Знаменский подошел к телефону мгновенно. «Значит, снова что-то пишет», – решил про себя майор, а вслух сказал:

– Прости за поздний звонок. Это я, тот самый Краснов, который всегда врывается в твою жизнь в самый неподходящий момент. Я помешал?

– Как обычно! – хмыкнув, проговорил Александр Григорьевич. – Но это не имеет значения. Раз ты звонишь ночью, значит, дело не терпит отлагательств. Правильно?

– Так точно!

– Тогда рассказывай, чего тебе от меня надо...

Глава 2

Место встречи – морг

Вадим Краснов оставался в своем репертуаре. Для него позвонить мне в три часа ночи было привычным делом. Еще хорошо, что в эту ночь мне не спалось и я, сидя на полу своего домашнего кабинета среди раскрытых книг и исписанных страниц, витал где-то в восемнадцатом столетии.

В народе говорят, что мы изучаем историю по болезням. Все верно! Ни один врач не смог бы поставить сколько-нибудь точный диагноз, если бы не изучил всю историю болезни своего пациента. А раз нет точного диагноза, значит, невозможно спланировать лечение на ближайшее будущее, составить прогноз развития болезни. «Прошлое – настоящее – будущее» – вот цепочка, связывающая все наши действия и поступки, объясняющая каждого из нас в отдельности и все человечество в целом.

До того как мне позвонил этот несносный Краснов, я изучал историю Чумного бунта в Москве, произошедшего в 1771 году. В этом историческом событии меня волновала конкретная человеческая судьба – судьба Данилы Самойловича Самойловича, который по иронии все той же злодейки судьбы стал одним из первых в мире эпидемиологов, когда эпидемиологии как таковой еще не существовало.

За свою сорокачетырехлетнюю жизнь я написал довольно много книг и еще больше опубликовал научно-популярных статей в разных периодических изданиях. Все они были подписаны «Александр Знаменский». И надо сказать, поначалу вид собственных имени и фамилии, набранных жирным шрифтом, действовал на меня возбуждающе. Но постепенно я успокоился, перестал вставать ни свет ни заря для того, чтобы бегать по городу в поисках номера газеты или журнала с моей очередной статьей. Теперь издатели сами присылали мне авторские экземпляры из уважения к моим творческим и научным заслугам.

Да, я пользовался известностью. Меня часто приглашали выступить то на телевидении, то на радио, ко мне обращались за консультациями, и я почти никогда и никому не отказывал в помощи. Я изучал, исследовал, а иногда даже расследовал всевозможные обстоятельства жизни своих пациентов, приводивших их в итоге к тяжелым заболеваниям. У меня даже сложилась своя оригинальная методика, позволявшая излечивать больных, на которых мои коллеги давно махнули рукой как на абсолютно безнадежных.

В общем, как говорится, живи да радуйся. Но нет, у меня постепенно вызревало решение прекратить всю эту суету и заняться творчеством более основательно. История чумного бунта в Москве, написанная с точки зрения медика, должна была стать тем трудом, который перевернет всю мою жизнь. По крайней мере, так мне казалось в тот момент.

В общем, своих проблем у меня хватало, и, конечно, позвони с подобной просьбой кто-нибудь другой, я нашел бы предлог отказаться, но старому другу Краснову отказать никак не мог. И мы договорились, что я подъеду к шести утра к зданию морга у Института имени Склифосовского. Там мы и встретимся.

Осторожно, чтобы не разбудить жену, я вышел из своего кабинета и хотел пробраться в прихожую, но тут же понял, что осторожничать не имеет смысла. Моя дражайшая половина балдела под какой-то странный видеоряд на экране телевизора, раскачиваясь в такт не менее странного музыкального сопровождения.

– Леночка! – обратился я к ней, но ответа не дождался. Жена «медитировала». По крайней мере, так у нее это называлось.

Мне стало как-то не по себе от этого зрелища. Нет, надо будет в ближайшее время заняться ею всерьез, а не то это ее дурацкое увлечение сектой «Дети Шивы» доведет до Бог знает чего.

«Вот так всегда», – думал я, спускаясь вниз в лифте и садясь в жигуленок, стоявший у подъезда. Моя собственная жизнь, наполненная до краев, не оставляет времени для того, чтобы помочь самому близкому для меня человеку, собственной жене. Кто-то, возможно, назовет это эгоизмом и в какой-то мере будет прав. Все же нам всем надо больше уделять времени тем, кого мы приручили...

До Института скорой помощи, или, как еще его называют в просторечии, Склифа, я добрался с Варшавского шоссе за сорок минут. Подоспел к месту встречи как раз вовремя. Краснов уже поджидал меня у служебного входа в морг, приветливо подняв руку.

– Здорово, старина! – сказал он мне. – Еще раз извини за беспокойство. Вот, снова пришлось выдернуть тебя из твоего домашнего затворничества. Но тебе, по-моему, надо меньше витать в облаках и больше интересоваться тем, что происходит вокруг...

На эти его слова я не нашел, что возразить. Тут он попал в самую точку. Можно сказать, в десятку. И самым подходящим примером справедливости его замечания было мое отношение к жене. Казалось бы, жили под общей крышей, но интересы у каждого были свои. Я не совался в ее дела, она не лезла в мои... И вот получается, что я ее теряю. Это ее увлечение сектантами до добра не доведет...

– Показывай своих покойников, – несколько грубовато сказал я Краснову, скрывая за маской прожженного циника чувство уязвленного самолюбия.

– Их полтора десятка, – сразу помрачнев, проговорил Вадим. – Представь себе, что в офисе проходит самый обыкновенный обед, после которого пятнадцать сотрудников умирают. Всех специально доставили сюда из разных концов города, где они проживали, чтобы находились в одном месте.

– Патологоанатомическое заключение готово? – спросил я, собираясь с мыслями.

– Еще нет. Бригада лучших патологоанатомов как раз заканчивает свою работу, – сказал Краснов.

– Пойдем взглянем, – предложил я.

– Знаешь, ты иди, а мне эта картина удовольствия не доставляет. Я уж лучше тут посижу на скамеечке, подышу свежим воздухом...

– Ну ты и тип! – вскипел я. – Вызвал меня сюда с утра пораньше, а теперь кочевряжишься. Знаешь же, что без твоего сопровождения ваши судебно-медицинские эксперты меня не пустят даже на порог секционной. Тайны тут у вас все, как при Мадридском дворе!

– Ладно, уговорил! Так и быть, я представлю тебя Каплуну – нашему светочу, лучшему патологоанатому города Москвы и окрестностей.

Запах сорокапроцентного раствора формалина шибанул в нос у самого входа в секционную.

– Морис Артурович! – позвал Краснов пожилого мужчину с абсолютно лысым черепом, который что-то быстро писал за столом у входа. – Разрешите представить вам доктора Знаменского.

– Как же, как же! – прогудел трубным басом Каплун, вставая из-за стола, но руки мне не протянул. Это не принято у врачей-инфекционистов, хирургов и патологоанатомов. – Наслышан о вас и с трудами вашими знаком. Особенно интересна книга «Исторические очерки по эндокринологии»...

– Вы, наверное, имеете в виду книгу «Карлики и гиганты среди великих мира сего», – поправил я его.

– Точно! Любопытная книга, очень любопытная! Как-нибудь нам с вами надо будет посидеть и поговорить. Есть интересные наблюдения...

– А что показало вскрытие сегодня? – вернул Мориса Артуровича к интересующей нас проблеме Краснов.

– Нет сомнений, что произошло отравление ранее неизвестным, чрезвычайно токсичным ядом, – ответил Каплун, протягивая мне карту вскрытия одного из умерших.

Я быстро пробежал по ней взглядом. «Стасов Леонтий Яковлевич. 25 лет. Внешние покровы тела изменены до... Состояние отдельных органов и систем при вскрытии... Желудок... Печень... Почки... Мозг...»

«Да, весьма агрессивный токсин, – подумал я, возвращая карту вскрытия Каплуну. – Надо будет обратить особое внимание экспертов на кожные покровы конечностей пострадавших. Они все имеют явно гангренозный вид...»

– Морис Артурович, что вы думаете о состоянии конечностей у пострадавших? – прямо спросил я.

– Очень похоже на гангрену, – коротко ответил патологоанатом, убедив меня в том, что я на правильном пути.

– Кажется, я догадываюсь о возможном происхождении подобного токсина... – скромно заметил я. – Но сначала ответьте мне: у всех ли пострадавших отмечается эффект гангрены?

– Да! – воскликнул Морис Артурович. – Можете сами взглянуть. Надевайте халат и проходите.

Я тут же воспользовался приглашением старшего в бригаде судебно-медицинских экспертов.

Осмотр тел укрепил мое подозрение. Дело в том, что, изучая историю Чумного бунта, я напал на документальные свидетельства случая массового отравления россиян и малороссов в 1785 году так называемыми «черными рожками», которых огромное количество скапливается в колосьях незрелой ржи. В тот голодный год незрелую рожь употребляли в пищу многие люди, и почти все они умирали от мучительных судорог, отпадения омертвевших конечностей. Ни своевременная ампутация, ни рвотные препараты не могли им помочь. Те, кто описывал эту болезнь, назвали ее эрготизм. Нечто подобное стало причиной гибели и этих пятнадцати несчастных.

Своими наблюдениями и выводами я поделился с Красновым. И надо сказать, что почти угадал. Через каких-нибудь полчаса из экспресс-лаборатории пришло подтверждение того, что яд, вызвавший смертельный исход у сотрудников фирмы «Дельта», произведен на основе тех самых «черных рожков» незрелой ржи, на которые я и подумал.

– Это тебе поможет? – спросил я у Краснова, когда мы собирались расстаться.

– Кажется, теперь я начал кое-что понимать, – таинственным шепотом проговорил Вадим.

– «Миазматики», так сказать, оказались кое в чем правы... – усмехнулся я.

– Что за «миазматики»? – насторожился мой приятель.

– Это я так, размышляю... Ну все, все! Привет! Будет трудно – пиши, – простился я с Красновым, думая, что теперь надолго лишаясь его общества. В конце концов, у каждого из нас своя работа...

Глава 3

Трупы в Замоскворечье

«Чертовы “миазматики”, – думал доктор Ягельский, – нет с ними просто никакого сладу...»

Он только что вернулся с ночного вызова, усталый и продрогший до самых костей. Мартовская погода, морося дождем попеременно со снегом и дуя ледяным ветром, явно не благоприятствовала ночным разездам. Но тут был особый случай: в доме купца Маслакова никак не могла разродиться первенцем молодая хозяйка Анастасия Гурьевна. Ничто ей не помогало: ни суета повивальной бабки Евпраксиньи, известной всему Замоскворечью, ни бормотание знахаря Феропонта. В таких случаях действенную помощь мог оказать только опытный доктор, потому и обратились за помощью к Ягельскому.

Осмотрев двадцатилетнюю роженицу, доктор подивился ее все еще девическому телосложению, отметив про себя тот факт, что с такими узкими бедрами и неразвитым тазом ей самой нипочем не разродиться, а значит, имеются все показания к кесареву сечению.

– Ничего страшного, – как мог успокоил доктор испереживавшегося бородатого супруга Анастасии Гурьевны, который держал несколько лавок на Крестовском рынке и снабжал разносолами многих достойных людей в Первопрестольной. – Прикажи-ка, приятель, кучеру запрягать. Придется твою ненаглядную везти в больницу. Без операции никак не обойтись. Помрут и мать, и дитя.

– Да что же это?.. Да как же так? Не уберег Господь!.. – схватившись за голову, запричитал здоровенный детина.

– Ну, ну! Все будет хорошо. Только делай, что я говорю.

– Спаси Бог! Все сделаю. Эй, Тимошка! Запрягай каурого!

Отправив роженицу в больницу, Константин Осипович поехал домой, надеясь хотя бы остаток ночи провести в собственной постели. Но не тут-то было. Не успел он снять с себя накидку и пройти в спальню, как в передней опять требовательно застучали в дверь.

– Кто там еще?! – в сердцах крикнул Ягельский. – Семен! Спроси, кого надо?..

– Вас требуют, – испуганно пролепетал слуга, возникая в дверях спальни через несколько минут.

– Кто?

– Большой енерал! – выдохнул Семен, округлив глаза.

– Да у тебя, дуралей, всякий служивый – генерал. Сейчас выйду. Только ты сначала мне принеси ту мензурку, что в шкапчике... Для сугреву! А то с этими вызовами недолго и самому ноги протянуть от какой-нибудь лихоманки.

Хватив стопарик неразведенного спирта, Константин Осипович почувствовал себя гораздо бодрее и вышел к посетителю уже с добродушной улыбкой на устах.

– Поручик Дутов! – представился высокий красавец в офицерской форме. – Я к вам сейчас от генерал-губернатора Москвы его превосходительства графа Салтыкова.

– Никак Петр Семенович захворали? – спросил Ягельский.

– Никак нет! Бог миловал, – ответил полицейский чин. – В вас другая нужда. Необходимо ваше присутствие на очень важном мероприятии...

– Что, прямо теперь, в два часа ночи? – подивился Константин Осипович.

– Именно сейчас. Дело, не терпящее отлагательств. Одевайтесь, господин Ягельский. Я по дороге все разобъясню...

Через пять минут, прихватив неизменный саквояж с медицинским инструментарием, Константин Осипович садился в коляску с поднятым верхом, заметив краем глаза, что поручика Дутова сопровождает восемь конных полицейских.

Доктор Ягельский тяжело плюхнулся на сиденье, и тут же коляска, запряженная парой резвых лошадей, рванула в ночь. За ней зацокали копытами по булыжной мостовой лошади полицейских.

Как только коляска с седоками повернула с Никитской улицы в сторону Замоскворечья, где Ягельский в эту ночь уже успел побывать, поручик Дутов проговорил, чуть повернув голову в сторону слушателя:

– Нам стало доподлинно известно, что на Большом суконном дворе, что у Каменного моста за Москвой-рекой, людишки мрут как мухи от неведомой напасти. А чтобы, значит, все было шито-крыто, их тела ночью тайным образом свозят на кладбище возле Донского монастыря и там закапывают.

– Да как же можно? – подивился Ягельский. – Без дозволения властей, ночью, яко татей... Ужас!

– Что-то тут неладно, господин доктор. Требуется ваше участие в расследовании сей жуткой истории. Об этом вас сам Петр Семенович просил. И самое главное, нам с вами необходимо установить, откуда сия зараза к нам занесена.

Ягельский в душе порадовался такому к себе уважительному отношению. Сам генерал-губернатор знает его и рассчитывает на помощь, а это дорогого стоит!

Вообще-то в последние годы доктор Ягельский старался сократить практику до минимума, больше уделяя времени написанию теоретических работ по различным вопросам медицины. Последняя такая работа, над которой трудился Константин Осипович в настоящий момент, посвящалась его опыту борьбы с различными инфекционными заболеваниями, и в частности против моровой язвы. Слухи о его работе, как видно, дошли даже до самого графа Салтыкова, что говорило о признании заслуг рядового врача. Но это было вполне объяснимо.

В восемнадцатом столетии Россия вынуждена была вести восемь продолжительных кровопролитных войн. Из ста лет только пятьдесят семь выдались мирными. А как известно, все войны сопровождаются различными эпидемиями, в том числе и самой коварной из зараз – моровой язвой.

Будучи в недавнем прошлом полковым лекарем, Ягельский не раз сталкивался с этой чудовищной болезнью. И Бог уберег его от этой смертельной заразы только для того, чтобы он смог отыскать хоть какое-то действенное средство в борьбе с ней. По крайней мере, в это свое предназначение Константин Осипович верил, как в «Отче наш...»

– Останови, – проговорил красавец поручик, положив руку на плечо полицейского кучера.

– Тпру! – резко осадил упряжку кучер.

– В этом бараке проживают рабочие с суконной фабрики, – тихо добавил поручик Дутов. – Здесь мы их и подождем...

Особенно долго ожидать им не пришлось...

– Вот они! Смотрите! – довольно бесцеремонно толкнул локтем в бок задремавшего было врача поручик.

Продрав глаза, Константин Осипович уставился в кромешную тьму, поначалу даже не видя ни одного проблеска света. Но слух не подвел. Он отчетливо услышал негромкий говор, скрип несмазанных колес телеги, топот и ржание лошади.

– Взять их! – крикнул поручик своим подчиненным, и те с места в карьер помчались вперед, окружая телегу.

– Братцы! Спасайся! Фараоны! – заорал кто-то заполошным голосом.

– Стоять! – крикнул один из полицейских и тут же перетянул плетью пытавшегося удрать мужика.

Другие полицейские запалили факелы, и только теперь доктор Ягельский смог разглядеть простую крестьянскую телегу и трех жавшихся в испуге друг к другу мужиков.

– Ну-ка, что это вы там везете? – спросил поручик Дутов, выпрыгивая из коляски. – Так я и думал... Извольте взглянуть, господин доктор, на эту «похоронную команду»! – обратился он к Ягельскому.

Константин Осипович, покашливая, ступил на землю и неторопливо подошел к телеге. То, что он увидел в ней, заставило его быстро перекреститься.

В телеге лежало пять обнаженных трупов, четыре женских и один мужской. Глаз опытного врача даже при неверном свете факелов смог сразу различить черные язвы на телах, здоревенные бубоны с кулак величиной, вздувшиеся в подмышечных впадинах и в области паха.

«Моровая язва, будь она проклята», – пронеслось в голове Ягельского, и он опять перекрестился.

– Руками не трогать! – крикнул он усатому полицейскому, откинувшему рогожу с трупов. – Дело тут безнадежное...

– Неужели это она? – выделив голосом последнее слово, спросил поручик, заглядывая в глаза доктору.

– Да, – коротко бросил Ягельский, а затем повернулся к мужику, на лице которого отпечатался кровавый рубец от плети. – Много людей схоронили таким образом?

– Наше дело телячье, господин хороший. Нам говорят – отвези, мы и везем на кладбище. А то куда же еще их везти? Во дворе закапывать?..

– Тебя спрашивают, сколько уже закопали, морда! – грозно прикрикнул полицейский с плеткой.

– Да кто их, покойников, считал? – пожал плечами мужик, утирая кровь с лица. – Каждую ночь, почитай, возим и закапываем...

– Ладно, чего с ним зря говорить! – махнул рукой поручик. – Это мы и без него выясним. А что будем делать с трупами, господин доктор? В участок их никак нельзя...

– Трупы вместе с телегой сжечь! – окрепшим голосом распорядился Ягельский. – А мужиков – в карантин!

– Поджигай! – крикнул поручик.

И тут же телега, запаленная сразу с четырех углов от факелов, вспыхнула как сухая березовая кора, приготовленная для растопки печки, ярко осветив лица мужиков, отскочивших в сторону.

– А лошаденка-то!.. – болезненно вскричал один из них, бросаясь распрягать, но не успел ничего сделать.

Испуганная огнем, лошадь взбрыкнула и понесла.

– А, черт! – выругался поручик. – Эта тварь нам такой пожар устроит, что только берегись. Пристрелить ее!

Несколько полицейских тут же помчались следом за горящей телегой, стреляя в лошадь из пистолетов, выхваченных из седельных сумок.

– Догонят, – уверенно проговорил поручик. – А вы, мужичье, пойдете со мной.

– Это куда же вы нас, ваше благородие? – спросил маленький мужичонка в заячьем треухе на голове.

– Не бойся! – проговорил офицер. – Слышали, что доктор сказал? Пойдете в карантин.

– А что это за «карантин» такой? Мы об этом слыхом не слыхивали.

– Теперь услышите и узнаете, – пообещал Дутов тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

А доктор Ягельский думал сейчас лишь о том, как установить источник первичной заразы. Как? Это посложнее, чем задержать несколько сиволапых мужиков. Да, дело очень серьезное...

* * *

Едва забрезжил тяжелый похмельный рассвет, управляющий суконной фабрикой Федор Ферапонтович Никишин потребовал рассолу в свой кабинет.

– Э, какой рассол, слушай? – загундосил лысый перекупщик Арутюнов, приехавший за партией товара из-за Кавказских гор, да так и застрявший на лишнюю неделю в Москве из-за беспробудного пьянства вместе с управляющим, от которого зависели существенные скидки на сукно. – Давай лучше брагой поправимся. От нее, душеньки, голова не болит. А то мы с тобой, Федор, тут второй день сидим, лежим, пьем, а дело стоит. Слушай! Сколько можно, да? Пора делом заняться!

– И то верно! Эй, Петруха, холоп нечесаный, тащи сюды четверть браги! Да не той, сволочь, что в прошлый месяц Бубнов прислал, а той, что из-под Смоленска!.. И гляди у меня, коли перепутаешь! Я тебе, сволочь, шкуру спущу!

– Вам бы все токмо лаяться с утра пораньше, – недовольно пробурчал лохматый парень, появившийся в кабинете управляющего с большой бутылкой, полной мутной белесой жидкости.

– Поговори у меня еще, сволочь! Ишь волю взял оговариваться... – прохрипел Никишин, быстро подставляя пустые кружки под струю браги, бьющей через распечатанное горлышко бутылки.

Хватив хмельной жидкости, Федор Ферапонтович крякнул и смачно захрустел соленым огурцом, извлеченным из миски, стоявшей тут же на столе. Не доев огурец, он, прищурившись, как на охоте, швырнул огрызок в слугу, но не попал, что его страшно раздосадовало.

– Вай, вай! – обрадовался новому развлечению Арутюнов. – Дай и я попробую...

Перекупщик ухватил огурец побольше, запустил им в Петруху и угодил тому прямо в лоб.

– Ах, ты!.. – взрепнулся управляющий.

– Погодь, Федор Ферапонтович! – вскричал слуга, утирая лицо рукавом кафтана. – Дело до тебе дуже спешное!..

– Кой черт! Дело обождет... Вот я тебе сейчас законопачу! – с этими словами управляющий со всей силы швырнул очередной огурец в слугу и попал ему точно туда же, куда до этого угодил Арутюнов. – Во! Другой разговор... Так что там, ты говоришь, за дело?

– Служивые люди вами дуже интересуются, – произнес Петруха, снова утираясь, но уже другим рукавом.

– Какие такие служивые? Откель будут? – уточнил Никишин.

– Так от самого генерал-губернатора, сказывают... – пожал плечами слуга.

Управляющий победно глянул на перекупщика и промолвил:

– Ну что, нехристь окаянный? Видал, какой мне почет и уважение в моем отечестве? Я на Москве человек видный! Так что на большую скидку за партию сукна и не рассчитывай...

Но тут до Никишина наконец дошел смысл сказанного слугой, и он не на шутку перепугался.

– Петруха! А чего им нужно, служивым-то?

– Интересуются нашими рабочими, – важно проговорил слуга.

– Что это вдруг? – насторожился управляющий, вспомнив о том, что только за последнюю зиму от неведомой болезни умерло сто тридцать рабочих и работниц.

– Не знаю, желают вас видеть.

– И много их?

– Цельный полк. Окружили, почитай, всю фабрику и никого не пускают и не выпускают...

– Так что ж ты сразу-то не сказал?! – вскакивая из-за стола, вскричал Никишин. – Зови сюда главного начальника!

– Что ты, Федор! Нельзя сюда, слушай! – покачал лысой головой перекупщик. – Здесь... Как это по-русски? Бордель! Тьфу! Бардак...

Никишин обвел осоловелым взглядом заваленный объедками и пустыми бутылками стол, заплеванной пол и вынужден был согласиться с перекупщиком.

– Нельзя... Давай лучше в хозяйском кабинете...

– Так он же закрыт, – ответил слуга.

– А ты открой, сволочь! Туда веди главного, понял? И смотри у меня!..

– Понял, понял, – закивал-закланялся Петруха. – Будет исполнено.

На опухшего от пьянства Никишина было противно смотреть, потому доктор Ягельский не стал слушать то, как его допрашивал поручик Дутов. От тревожных минут минувшей ночи у Константина Осиповича разыгралась жуткая головная боль. Он решил выйти на фабричный двор, подышать свежим воздухом.

До этого момента Ягельский вместе с полицейскими облазил все цеха, все помещения Большого суконного двора. После этого ему более-менее стало понятно то, каким образом могла передаваться моровая язва от больных к здоровым на фабрике. Людская скученность, тесные непроветриваемые помещения – все это для такой заразы, каковой была моровая язва, являлось самыми подходящими условиями. Тут ясно все как день. Но вот откуда появилась эта зараза первично, Ягельский пока установить не мог, и это его особенно раздражало.

Константин Осипович смотрел на то, как на фабрике начинался новый трудовой день, как люди спешили к своим рабочим местам, и думал о том, что среди всей этой человеческой массы (а на фабрике, как он узнал, трудилось две с половиной тысячи человек) наверняка наберется немало заболевших. Но чтобы их всех выявить и изолировать, потребуется много времени. Одному ему тут не справиться. Надо будет попросить на подмогу кого-то из коллег. Но кто же отважится добровольно лезть в петлю? Ведь моровая язва не щадит никого, медики от нее мрут так же быстро, как и простые неграмотные люди. Три-пять дней со времени заражения и – в гроб. Веселая перспектива, ничего не скажешь...

Конечно, Ягельский знал нескольких опытных специалистов в области инфекционных болезней, но все они были иностранцами, радеющими только за свои высокие посты да не менее высокие доходы. Вместо того чтобы лечить больных, они предпочитали заниматься интригами, всячески препятствуя выдвижению на первые роли русских врачей, подготовленных в медицинской школе при Московском сухопутном госпитале, основанном еще Петром Великим в 1707 году.

Так что на помощь со стороны коллег пока рассчитывать не приходилось.

Тяжело вздохнув, Ягельский достал из кармана накидки небольшую походную флягу, с которой не расставался со времен службы в армии и, вынув пробку, сделал пару добрых глотков прямо из горлышка. Спирт обжег внутренности, разогнал кровь. Несколько капель спирта доктор плеснул на руки и, осторожно убрав фляжку на место, потер ладонь о ладонь. Так он делал всегда, если не было возможности вымыть руки водой с уксусом. Так он чувствовал себя хоть немного защищенным от жуткой малоизученной болезни, косившей людей не только в России, а и во многих других странах десятками и даже сотнями тысяч на протяжении многих веков. Недаром эту болезнь всегда считали Божьим наказанием за людские грехи. «Так оно, наверное, и есть», – подумал Ягельский.

Конечно, выявить всех больных необходимо как можно быстрее. Но, с другой стороны, пока он не отыщет источника первичной заразы, все другие действия не приведут к успеху.

Люди будут продолжать заражаться сами и заражать других. Надо искать источник первичной заразы. Только его ликвидация принесет ощутимые результаты в борьбе с распространением болезни.

«Глаза боятся, а руки делают», – подумал врач и, вернувшись в помещение фабричной конторы, потребовал отдельной комнаты для организации общего медицинского осмотра всех работников фабрики.

* * *

Генерал-губернатор Первопрестольной больше всего в жизни боялся гнева матушки-императрицы. Несмотря на свои большие заслуги и чины (а граф Петр Семенович Салтыков был без малого генерал-фельдмаршалом), в последние годы он не отличался особым боевым духом, который проявил в молодости.

А в молодости (О! Эта молодость!) граф Салтыков явил миру многие опыты мужества, благоразумия и твердости духа. Во время битв Семилетней войны России с Пруссией проявил изрядное хладнокровие. «Когда ядра летали мимо него, он махал хлыстиком им вслед и шутил...» Так писал в своих «Записках» публицист Порошин, лично знавший Салтыкова. А до этого Петр Семенович участвовал в военных походах против шведов, заслужил шпагу, осыпанную бриллиантами, за то, что успешно командовал арьергардом в одном из морских сражений. А еще вместе с генералом Фермором он брал Кенигсберг в 1758 году, овладел Эльбингом, сражался в битве при Цориндорфе. За что и был пожалован званием генерал-аншефа и кавалером ордена Святого апостола Андрея Первозванного.

Но все это было и прошло. Победитель Фридриха Великого теперь предпочитал «сражения на паркетe», обожал балы да еще охоту, на которую отправлялся в любую погоду.

Назначение на пост генерал-губернатора Москвы граф Салтыков воспринял как великую милость императрицы и все делал для того, чтобы Екатерина Вторая не пожалела об этом назначении.

На одном из официальных приемов в Северной столице императрица соизволила даже привести в пример другим генерал-губернаторам его, графа Салтыкова.

Петр Семенович очень хорошо запомнил то, что сказала однажды матушка-императрица.

– Никогда не поверю, – промолвила она, – чтобы в нашем холодном климате могла бы развиться моровая язва. Моровое поветрие может произойти только в теплом климате других стран. Мы же, хвала Всевышнему, ограждены от подобных несчастий. Как вы считаете, граф?

– Разумеется, матушка, – подобострастно поклонился семидесятилетний Салтыков. – Я с вами согласен...

Сказав так, он подумал о том, что императрица ничего не знает о губительной эпидемии чумы, выкосившей в Москве еще в 1654 году больше половины от всего населения. Не знает, и ладно. Разве можно ей хоть в чем-то перечить? Дай Бог, больше такого несчастья никогда не случится...

Так думал генерал-губернатор Москвы еще год назад. Но вот теперь обстановка резко изменилась в худшую сторону.

Перед Салтыковым навтыяжку стоял поручик Никита Дутов и молча пожирал глазами начальство. Любимчиком графа Дутов стал после того, как сумел вывести на чистую воду «оборотня» и «черта в кафтане», как называл сам Салтыков жестокого бандита и патологического убийцу по кличке Тертый Калач, наводившего ужас на всю Москву. Этот душегуб в свои юные лета был подручным у вошедшего в легенды Ваньки Каина, творившего несусветные дела еще лет двадцать назад. Тертый Калач, как и его старший приятель, сотрудничал с полицией, сдавая неугодных ему бандитов в руки правосудия. Одновременно он продолжал заниматься кражами, организовывал грабежи и убийства среди добропорядочных купцов. Именно Никита

Дутов сумел разоблачить негодяя, задержать его с поличным. Тертого Калача осудили и отправили на каторгу, но он умудрился сбежать с этапа и снова объявился в Москве уже в качестве главаря банды отпетых каторжников. И вновь поручик Дутов отличился, установив, где скрывается банда. Он же организовал и возглавил ее уничтожение, самолично влепив пулю в лоб Тертому Калачу.

Кроме заслуг служебных поручик Дутов отличился еще и тем, что пришелся по сердцу младшей дочери графа Салтыкова Марье, которая в отличие от старшей дочери Лизаветы, вышедшей замуж за тайного советника Петра Васильевича Мятлева, размечталась о молодом бравом офицере. Не знала она, глупая, что отец присмотрел для нее другую партию, куда более выдающуюся...

Никита Дутов между тем докладывал генерал-губернатору:

– Ваше сиятельство! Проведенным дознанием на Большом суконном дворе удалось установить следующее. От неизвестной болезни на сей фабрике за последние три месяца умерло сто тридцать человек. Все они были тайно захоронены без соизволения на то властей.

– Как же такое могли допустить? – нахмурил седые косматые брови граф Салтыков.

– Сие «заслуга» управляющего фабрикой Никишина. Он распорядился, чтобы не поднимать большого шума, избавляться таким образом от умерших, а на их место записывать новых рабочих, купленных в окрестных деревнях у помещиков.

– Так, так, так! – осуждающе покачал большой головой Петр Семенович. – Жаль, что хозяина фабрики нет на месте. Придется нам самим разобраться с этим управляющим. А что за болезнь свела в могилу столько народа?

– Доктор Ягельский подозревает моровую язву.

– Что?.. – не поверил своим ушам генерал-губернатор. – Где сейчас господин Ягельский?

– В приемной! Ожидает вызова вашего сиятельства.

– Пригласите его немедленно!

– Слушаюсь, ваше сиятельство!

Человек невысокого роста с ранними морщинами, не в меру избороздившими лоб, вошел в генеральский кабинет и, сняв шляпу, отвесил учтивый поклон.

– Рад приветствовать ваше сиятельство! – промолвил Ягельский, всячески стараясь подавить напавшую на него от усталости и бессонной ночи зевоту.

– Оставим учтивости на потом, господин лекарь, – нервно вымолвил граф Салтыков, тяжело поднимаясь из-за изящного стола, изготовленного специально для него лучшими мастерами – краснодеревщиками и косторезами. – Прошу вас доложить о том, что узнали на Большом суконном дворе. Неужели нас опять посетило моровое поветрие?

– Боюсь, что так, ваше сиятельство, – снова поклонился Константин Осипович. – Мною лично во время осмотра выявлено на фабрике шестнадцать заболевших рабочих и работниц.

– Божья кара... – прошептал генерал-губернатор. – Все за грехи наши...

Не расслышав последних слов Петра Семеновича, Ягельский быстро добавил к сказанному ранее:

– Могут быть и другие заболевшие. Зараза зело сильна и может распространяться очень быстро среди московского населения. Необходимо срочно закрывать город, ваше сиятельство...

– Что?! Закрывать город?! – вскричал граф Салтыков. – Как изволите вас понимать?

– Закрывать на карантин.

– Ах, вот оно что! Это уж слишком! Достаточно будет саму фабрику закрыть, окружив ее карантинными постами. Но это так, на всякий случай. Я должен сказать вам, господин Ягельский, что не допускаю и мысли о возможности у нас, в северном климате, возникновения морового поветрия. И так думаю не только я, а и там, на самом верху! – произнес генерал-губернатор, ткнув пальцем в потолок. – Нет, нет и нет! Я не хочу даже слышать о моровом поветрии...

«Но это совсем не значит, что зараза исчезнет сама по себе», – подумал Константин Осипович.

Некоторое время граф молча ходил по кабинету, заложив руки за спину, обдумывая то, как сообщить Екатерине о подозрительной болезни. Придя наконец к какому-то решению, он повернулся к поручику Дутову, стоявшему в сторонке навытяжку, как истукан.

– Послушайте, любезный! Я приказываю вам организовать вокруг фабрики двойной... Нет! Тройной кордон. Чтобы ни одна живая душа ни туда, ни оттуда не смогла проникнуть!

– Слушаюсь, ваше сиятельство!

– Теперь с вами, господин Ягельский. Никто, слышите вы, никто не должен знать о ваших подозрениях насчет моровой язвы! Вы поняли?

– Да, ваше сиятельство, – сдержав тяжелый вздох, поклонился Константин Осипович.

– Но это вовсе не значит, что мы не предпримем никаких мер в городе... Кстати, как вы думаете, что нам следует предпринять?

– Прежде всего необходимо открыть специальную больницу, куда госпитализировать всех заболевших.

– Больницу? Хорошо! Больницу мы откроем. Вот только где? – Салтыков растерянно развел руками.

– Для этого подошел бы монастырь Николая Чудотворца, что на Угреши, ваше сиятельство, – кашлянув, осторожно проговорил Ягельский.

– Да, да, конечно! Я и сам об этом думал. Лучшего решения не найти. Угрешский монастырь... Это тот, что стоит в стороне от дороги на Рязань... Да! А кого же мы назначим туда главным врачом? Нужен опытный врач. Такой, чтобы хорошо знал заразные болезни...

– Я бы предложил на эту должность доктора Самойловича, – снова кашлянув, проговорил Ягельский.

– Что это вы все кашляете, а? – подозрительно спросил Салтыков. – Уж не больны ли, часом?

– Никак нет, ваше сиятельство. Это от нюхательного табаку, который я иногда употребляю. Дюже он крепкий...

– От табаку? – недоверчиво переспросил генерал-губернатор. – Хорошо!.. Значит, говорите, Самойловича?

– Да, Данилу Самойловича, – утвердительно произнес Ягельский. – Он сейчас как раз ожидает назначения в Санкт-Петербурге.

– Что-то я слышал о нем... Ладно, похлопочу за вашего протеже. А вы запомните, что я сказал. Никому ни слова о ваших подозрениях на моровое поветрие!..

Отпустив доктора и полицейского поручика, граф Салтыков приказал своему офицеру-порученцу срочно окурить кабинет от возможной заразы. И через мгновение целая свора военных чинов бегала по приемной и кабинету генерал-губернатора с зажженными факелами из скрученных бумаг, среди которых были и важные документы. А сам Салтыков только покривал на «окуривальщиков»:

– Больше! Кучнее! Больше дыму!

* * *

Из присутственного места Ягельский вышел вместе с поручиком Дутовым.

– Фу! – утерев пот со лба, выдохнул офицер. – Кажется, пронесло. Его сиятельство не особенно гневались... Но я что-то сегодня крепко подустал...

– В ваши ли лета говорить про усталость? – покачал головой Константин Осипович. – Что же говорить тогда нам, ветеранам прежних баталий?

– Вы теперь домой? – осведомился Дутов. – Могу вас подвезти...

– Нет, я хотел бы снова попасть на фабрику, – ответил Ягельский. – Мне, знаете ли, не дает покоя проклятый источник возможного заражения. Надо бы еще кое-что проверить...

– Очень хорошо! Но ведь и я собираюсь туда же, на фабрику. Хочу проверить карантинные посты. Поехали вместе!

Не доезжая до Каменного моста, Константин Осипович неожиданно почувствовал запах гари.

– Что-то горит, – сказал он. – Где-то недалеко пожар...

И тут, обгоняя коляску поручика, пронеслось несколько пожарных упряжек, расчищая себе путь звоном небольших колоколов и звуком пожарного рожка.

– Что горит? – спросил поручик.

– Ваше благородие, никак суконные фабрики запалили! – прокричал полицейский кучер, привстав на козлах, чтобы лучше видеть клубы черного дыма, вырывавшиеся из-за каменных купеческих домов Замоскворечья.

– Гони туда быстрее!

Группа полицейских человек в десять попала с седокам сразу за мостом. Они топтались на месте и нервно переругивались, не зная, что предпринять.

– Вы чего тут торчите без толку? – грозно спросил поручик у усатого вахмистра, растерянно переминавшегося с ноги на ногу чуть в стороне от других служивых людей.

– Дак поджог же, ваше благородие! – козырнув, ответил вахмистр. – Мужичье с фабрики разбежалось кто куда...

– А как же карантин?.. – побледнев, спросил поручик.

– Какое там! Их рази удержишь, безумцев? Среди них кто-то слух пустил, что в карантине их всех сожгут заживо... Ну они, дурачье, и дали тягу...

– Срочно всех переловить! – яростно заорал Дутов. – Лично отвечаешь! Быстро!

– Слушаюсь, ваше благородие! – снова козырнул усатый вахмистр и, прижимая рукой саблю, чтобы не била по ногам, неловко затрусил к нижним чинам.

– Пропало дело, – безнадежно махнул рукой Ягельский. – Теперь моровая язва вышла из-под нашего контроля...

Дутов растерянно посмотрел на своего спутника и только тяжело вздохнул.

– Спасибо, что подвезли, – проговорил Константин Осипович. – Дальше я уж как-нибудь сам, на своих двоих. А вам теперь не до меня будет.

– Да, прошу извинить! – кивнул Дутов. – Будем вылавливать этих несчастных...

– И всех прямо сразу везите в Николо-Угрешский монастырь, – напомнил Ягельский. – Там с ними разберутся, кто болен, а кто – нет.

– Разумеется. Прощайте, сударь!

– Всего доброго!

Доктор вылез из коляски, которая тут же умчалась в сторону центра города, и огляделся вокруг. Замоскворечье бурлило, как потревоженный улей. Туда-сюда сновали люди самого разного сословия. Большинство из них спешили в сторону пожара.

«Плохо дело, – пронеслось в голове у Ягельского. – Теперь заразу ничем не остановить».

Сам Константин Осипович бежать на пожар не собирался, понимая, что без него там как-нибудь обойдутся. Гораздо больше его беспокоил все тот же вопрос, на который он так и не сумел отыскать ответа. Кто или что стало причиной заноса заразы на фабрику? И тут ему неожиданно вспомнился Никишин, пьянствовавший с неким перекупщиком по фамилии Арутюнов в прошлую ночь, когда он сам впервые оказался на территории фабрики.

«Может быть, этот перекупщик сможет внятно ответить на мучающий меня вопрос, – подумал Ягельский. – Вдруг ему что-то известно об этом деле?»

Искать Арутюнова на фабрике уже не имело смысла. Скорее всего, он обретался где-нибудь на гостинном дворе, ближайшем к фабрике. Таковых было три. Константин Осипович решил их обойти один за другим.

Уже во втором по счету гостинном дворе ему сказали, что хитрый купчина из инородцев пьянствует у целовальника Бутусова, трактир которого находится совсем рядом. Там-то Ягельский и отыскал того, кто ему был нужен.

Арутюнов спал, уткнувшись в миску с вареной репой, а рядом с ним на столе стоял пустой графин из-под водки.

– Любезный! Эй, любезный! – попробовал растормошить перекупщика доктор. – Имею к вам вопрос!

– Слушай, не мешай отдыхать, – пробормотал Арутюнов, осоловело шурясь на Ягельского.

– Где управляющий Никишин? – спросил Константин Осипович, чтобы хоть как-то завязать разговор.

– Как где? – насторожился Арутюнов, и в его глазах появился откровенный страх. – В тюрьме, где еще! А ты кто такой? Тоже из полиции? Не притворяйся! Я знаю... Слушай, меня не проведешь! Я жук хитрый! Ты точно из полиции, я тебя видел сегодня утром на фабрике, когда Федора офицер за грудки тряс... Ты меня арестуешь? Скажи, брат! Давай с тобой выпьем...

– погоди ты! Не так быстро, – усмехнулся Ягельский. – Выпить мы с тобой еще успеем. Сначала скажи мне, что ты знаешь о заразе, которая сгубила столько рабочих на фабрике?

– Ничего не знаю... Слушай, прямо теперь в тюрьму пойдем, а?

– Пока нет. А если скажешь всю правду, то вообще на свободе будешь, – проговорил Ягельский.

– Истину говоришь? А что такое истина, слушай? Это правда о вечном...

«Филосов хренов, – подумал Константин Осипович о своем собеседнике. – Отговориться хочет, но, шалишь, я от тебя теперь не отстану».

– Так что тебе известно про заразу на фабрике?

– Точно такую болезнь я видел у турок, – натужно соображая, произнес перекупщик. – Я в Турции был! Я везде был! Там покупал партию шерсти для фабрики... В Турции много народу мрет от «черной смерти». Сначала они, знаешь, покрываются язвами, потом шишками, большими шишками, как грецкий орех. А потом все умирают. На этой фабрике люди умирали так же. Сначала их тела покрывались язвами, а потом...

– Давно ты привез сюда эту шерсть из Турции? – быстро спросил доктор.

– Еще зимой привез! Много шерсть привез! Хороший товар, слушай! Я за него много денег получал!.. На них пью и гуляю...

Больше вопросов к перекупщику у Ягельского не возникло. Ему все стало ясно. Зараза проникла на фабрику вместе с тюками шерсти. В этом нечего было и сомневаться.

– Черт с тобой! Гуляй дальше, образина! – с отвращением произнес Константин Осипович, отходя от стола, за которым пьянствовал Арутюнов.

– Э? А когда в тюрьму пойдем?.. – спросил ему вслед удивленный перекупщик.

Ягельский отвечать ему не стал. Не хотелось ему больше разговаривать. К тому же у него появился четкий план дальнейших действий. Необходимо было как можно быстрее добраться до склада с сырьем, где хранилась шерсть из Турции. Что он с ней сделает? О! На это стоило посмотреть...

У фабрики Ягельский оказался тогда, когда там всю работу выполняли пожарные и те, кто оказывал им всяческую помощь. Пожар постепенно затухал, уступая усилиям сотен людей, заливавших водой, привозимой в бочках от Москва-реки, огненные языки пламени.

Склада с сырьем Ягельский достиг довольно быстро, заранее зная, где тот находится. Тут-то он и заметил, что пожар пощадил склад, оставив его в целости и сохранности. Но это совершенно не устраивало доктора. Подобрал с земли тлеющую головешку, он заскочил в помещение и швырнул ее в самую середину тюков с шерстью. Огонь занялся сразу, полыхнув так, что Ягельский еле успел выскочить на двор. При этом у него обгорели волосы на затылке.

– Пожар, пожар! – заорал-заголосил где-то совсем рядом дурной бабий голос. – Опять пожар!

Ягельский же безучастно стоял и смотрел на то, как к складу подбежали пожарники и стали тушить новый очаг возгорания. Но с этим огнем им было не совладать. Шерсть и прочее сырье полыхало так, что никто бы не смог их потушить.

Так и выгорел склад с турецкой шерстью дотла.

«И что это может дать? – пронеслось в голове у доктора Ягельского. – Ровным счетом ничего. Поздно! Этот склад надо было сжечь гораздо раньше. А теперь зараза вырвалась отсюда и пошла гулять по всему городу. Теперь ее ничем не остановишь...»

Глава 4

Доверие за доверие

После встречи со Знаменским майор Краснов еще раз посетил офис фирмы «Дельта». Кроме следователя Трофимова и дежурного милиционера он там никого не нашел. Отсутствовал даже горемыка директор, отменивший рабочий день по случаю скорбного события. Да, честно говоря, некому было и работать, поскольку погибло больше половины персонала.

– На директора что-то нашло, – просветил Краснова капитан милиции. – Пришлось вызвать скорую психиатрическую помощь. Беднягу сразу увезли в дурдом для поправки здоровья.

– Жаль, а я хотел с ним кое о чем переговорить, – сказал Вадим Николаевич. – Впрочем, с вами мне тоже необходимо обсудить некоторые вопросы. То, что отравление вызвано чем-то похожим на «черные рожки», вы уже знаете...

– Разумеется... – кивнул Трофимов.

– Хорошо. Так вот, как мне кажется, ограбление этого офиса было произведено только для отвода глаз. Главная же причина, из-за которой был устроен весь сыр-бор, это устранение конкурента. Кто-то решил свести счеты... Этот кто-то проник вместе с грабителями в офис «Дельты», нашел пищеблок и заразил каким-то модифицированным ядом некоторые продукты питания. Как вам такой расклад?

– Вполне возможная версия происшедших событий, – сразу согласился следователь. – Мы ее отработываем в числе других.

Помолчав какое-то время, Трофимов остро прищурился, глянул на майора и задал неожиданный вопрос:

– А что это вы со мной так откровенны? Не возьму в толк. Мы с вами как-никак из разных ведомств, вроде даже как бы конкуренты. Чего это вы вдруг нам подыгрываете? Непривычно как-то. Можно подумать, что у вас своих проблем мало...

– Проблем хватает, – тяжело вздохнув, признался Краснов. – Но, помогая вам, я рассчитываю на ответную помощь. Мне отпущено начальством очень мало времени для проведения собственного расследования обстоятельств этого преступления. К тому же я один, а на вас работает достаточно хорошо отлаженная правоохранительная система. Поэтому вы наверняка знаете про это дело куда больше меня. А устраивать обычные наши игры с официальными запросами от одного ведомства к другому – это лишняя трата времени. Гораздо лучше решать такие вопросы на уровне дружеского общения лиц, заинтересованных в общем итоге одной и той же работы. Как видите, я играю с открытыми картами.

– Что ж, доверие за доверие, – улыбнулся Трофимов. – В конце концов, не враги же мы с вами. Кое-что по этому делу наши опера накопили. Под нашим колпаком оказались три фирмы, руководство которых могло быть заинтересовано в организации подобного нападения. Вот вам список этих фирм... – капитан, покопавшись в своей записной книжке, прочитал: – Аграрное объединение «Вымпел», совместное русско-американское предприятие «Кони-кл-интернейшен» и фармацевтическое предприятие «Терек», выпускающее в основном не столько таблетки и микстуры, сколько обычную водку. Видимо, там считают, что водка – лучшее лекарство...

– «Терек»? – удивленно переспросил Вадим Николаевич. – Это не та фирма, президент которой баллотировался на выборах в президенты страны?

– Она самая, – усмехнулся Трофимов. – Рекомендую присмотреться к этой фирме и ее руководителю повнимательнее. Назовем это предчувствием или, если хотите, нюхом опытного следака...

– А почему бы вашему ведомству не проверить эту фирму по своим каналам более основательно, а не только по одному-единственному уголовному делу? Так сказать, организовать крупномасштабную проверку по всем линиям и направлениям? – поинтересовался Краснов.

– Я же не Господь Бог, – уныло развел руками капитан Трофимов, – и даже не министр МВД... Как я понимаю, наш с вами разговор является просто дружеской беседой, не так ли?

– Совершенно верно! – быстро произнес Краснов.

– А раз так, то могу вам сказать, точнее – намекнуть на некоторые обстоятельства... Понимаете, мне приказано в «Терек» даже носа не совать. Понятно излагаю? Мне приказано разрабатывать нищую агрофирму под весьма энергичным названием «Вымпел», поскольку она все равно является первым кандидатом в банкроты. Чего с нее возьмешь?

– А как же тогда Салов и его «Терек»? – на всякий случай спросил Краснов, хотя ему все уже стало ясно.

– Салов – фигура серьезная. Может, вы не в курсе, но он является одним из активистов шефской комиссии деятелей культуры и искусства над правоохранительными органами в нашей стране.

– Культуры и искусства? – переспросил майор, усмехнувшись. – Это смешно...

– Было бы смешно, если б не было так грустно, – уныло констатировал Трофимов. – Это, знаете ли, диагноз, как говорят медики. Диагноз всему обществу.

– Надеюсь, что «болезнь» все же не смертельна, – сказал Вадим Николаевич.

– У вас слишком оптимистичный взгляд на жизнь, майор! Посмотрим, долго ли вы сможете его сохранять. Посмотрим...

* * *

Со старшим лейтенантом Виктором Семиным майор Краснов был знаком не один год. Как и сам Краснов, Семин являлся штатным сотрудником Управления Z, внедренным на месяц в одну из лабораторий Института вирусологии, в которой проводились некие секретные эксперименты со штаммами патогенных микроорганизмов, способных вызвать среди населения вспышки особо опасных инфекций.

В общем-то, сотрудников эпидотдела Управления заинтересовала не столько сама лаборатория и ее работа, сколько таинственный заказчик, оплативший эти эксперименты весьма крупной суммой в черном нале. Этим самым заказчиком интересовался и Краснов до того момента, пока полковник Ветлугин не переориентировал его на новое задание.

Вадим Николаевич, узнав о том, что с фирмой «Дельта» могли расправиться по указанию руководителей «Терека», подумал, что этим самым заказчиком вполне мог являться и Салов. А раз так, то неплохо было бы сориентировать внедренного сотрудника на эту фигуру. В конце концов, Семин находился теперь в непосредственном общении с людьми, которые по роду своей деятельности могли непосредственно контактировать с Саловым и его сотрудниками. Значит, с Семиным необходимо было немедленно встретиться и поговорить.

Встреча коллег произошла в восемь часов утра тех же беспокойных суток у станции метро «Каширская». Это место Семин сам назвал во время телефонного разговора, заметив, что оттуда ему близко идти до Института вирусологии, где рабочий день начинается с 9.15.

Когда Вадим Николаевич подъехал на служебной «Волге» к метро «Каширская» со стороны центра, то сразу заметил Семина у книжных развалов. Подойдя поближе к лоткам, услышал:

– Я возьму книгу Ильи Стальнова.

– Все фантастикой увлекаешься, дружище? – спросил Краснов Семина вместо приветствия.

– Кого я вижу! – воскликнул Виктор, делая вид, что случайно встретил приятеля. – Сколько лет, сколько зим! Очень рекомендую почитать боевики Стальнова! Захватывает до самых печенок... А главное, все его романы построены на основе детективного расследования или шпионского романа, представляешь? Я вообще-то использую их как практикум. Ставлю себя в положение героев и пытаюсь найти выход...

– И как, удастся? – улыбнулся Краснов.

– Иногда. Пойдем что-нибудь перекусим, а то я еще не завтракал, – предложил Семин.

– А я и не ужинал, – вспомнил Краснов.

– Тогда тем более.

Зайдя в павильон, где находилась небольшая закусочная, коллеги заказали по стакану кофе и по несколько бутербродов.

– Налегай, – проговорил Семин и засунул в рот сразу половину бутерброда с красной рыбой.

Краснов последовал его примеру.

В павильоне посетителей больше не было из-за раннего часа, и это устраивало обоих.

– Так что тебя интересует в фигуре Салова? – спросил Семин: майора он знал достаточно хорошо, и они давно уже перешли на «ты».

– Буквально все, каждая мелочь, – произнес Краснов, медленно допивая кофе. – Ну, кроме того, что известно всем из предвыборных рекламных видеороликов.

– Этот человек совсем не так прост, каким представлялся перед избирателями, когда баллотировался кандидатом в президенты.

– Да, я помню. Он пытался изображать из себя простецкого парня, которому неожиданно на голову свалились миллионы, у которого красавица жена, великолепная дача, превосходных кровей скаковая лошадь, ну и так далее.

– Вот именно, – прожевав бутерброд с салями, сказал Семин. – На самом деле это очень жесткий человек с мертвой хваткой в делах. И еще он обладает потрясающим нюхом на то, где и как можно заработать большие деньги. Так говорят те, кто его хорошо знает.

– Пока не вижу ничего предосудительного, – заметил Краснов. – Вообще-то нас может интересовать даже не столько сам Салов, сколько его окружение. Узнать бы что-нибудь об этом...

– Тебе везет, Вадим, – улыбнулся Семин. – Очень скоро ты сможешь узнать про окружение Салова и о его знаменитой водке, любовно прозванной в народе «Саловкой», всю подноготную.

– Это каким же образом? – поинтересовался Краснов.

– Недавно от фирмы «Терек» в Институт вирусологии наведывался зам Салова по кадрам. Ему меня расписали как наиболее талантливого, подающего феноменальные надежды на будущее вирусолога. Он ко мне и подъехал с весьма недвусмысленным предложением перейти на работу в «Терек». Посулил золотые горы...

– И что ты? – поторопился выяснить Краснов.

– А что я? Набиваю себе цену. Попросил время на размышления.

– Черт побери! – радостно потер руки Вадим Николаевич. – Обязательно соглашайся. Все вопросы с нашим начальством я урегулирую.

– Ну, если ты так просишь, – для вида поломался Виктор, – то я, конечно, приму это предложение.

– Премного обяжешь, – задумчиво произнес Краснов. – Значит, первым делом меня будет интересовать следующее...

И он проинструктировал Семина так, как будто тот уже смог внедриться в нужную фирму.

Глава 5

Открытие «сезона охоты»

Начав собирать материал для будущей книги о Чумном бунте в Москве, я не мог пройти мимо судеб русских врачей, восставших против «самого Промысла Божьего». А ведь именно так полагали многие современники Ягельского, Самойловича и десятков других медиков, оставшихся безвестными героями. Большинство простых людей считало, что моровая язва, или моровое поветрие, как тогда называли в народе чуму, насылается на человечество за тяжкие грехи самим Господом Богом. А значит, о каком же сопротивлении Божьей каре можно было вести речь? По их мнению, только подлые вероотступники, сатанинские выродки могли бороться с предначертаниями небес, вершивших свой праведный суд на земле. Видимо, этим можно было объяснить тот факт, что бунтовщики, восставшие в Москве против жесточайших санитарно-карантинных мер правительства, заодно сводили счеты с теми врачами-подвижниками, кто непосредственно занимался лечением чумных больных.

О том, как попали ко мне в руки три старинные книжицы, увидевшие свет еще в восемнадцатом-девятнадцатом столетиях, можно было бы написать целую приключенческую повесть, но это я сделаю как-нибудь в другой раз. А сейчас только скажу, что первой книжкой, прочитанной мной о бунте в Москве, стала весьма потрепанная брошюра ученого-топографа А.Ф. Шафонского «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 гг.», вышедшая в 1775 году. Эту ветхую книжечку без обложки я нашел на чердаке заколоченного деревенского сруба в одной из брошенных деревень, что в Весьегонском районе тогда еще Калининской области. Самому мне тогда только-только исполнилось двадцать лет, и я любил участвовать вместе с друзьями в туристических походах по родным краям.

Гораздо позже мне в руки попали уникальные экземпляры прижизненных изданий доктора Самойловича. Это были «Трактат о рассечении лонного сочленения и о кесаревом сечении», а также книга, названная автором весьма длинно и даже по тем временам витиевато: «Способ наиудобнейший ко недопущению первоначально возникнуть оказавшейся где-либо промеж народом смертоносной язве заражаемой чуме». Причем первая книжечка являлась ничем иным, как диссертацией, написанной на мертвом латинском языке и изданной в Лейденском университете в Голландии в 1780 году. Вторая же книга являлась вторым томом из четырехтомника Самойловича, посвященного борьбе с чумой. Она увидела свет в городе Николаеве в 1803 году, то есть за два года до смерти ее автора.

Из этих антикварных изданий я многое почерпнул для своей работы, а главное, как мне показалось, сумел проникнуться той эпохой, в какой-то мере понять живших тогда людей.

Моя работа успешно продвигалась вперед, и я был бы вполне доволен и даже счастлив, если бы меня то и дело не отвлекали от нее. То какие-то люди, сославшись на шапочное знакомство, требовали их осмотреть и назначить им лечение, то звонили из разных медучреждений и приглашали меня на консультации, а то и просто вызывали в вузы и училища для того, чтобы я прочитал студентам и учащимся лекции. Все это выводило меня из душевного равновесия до тех пор, пока я не догадался отключить телефон.

Какое-то время меня никто не донимал и не доставал. Это были бы самые замечательные дни в моей жизни, если бы не собственная жена, совсем свихнувшаяся со своими сектантами.

В один прекрасный день, когда у меня особенно ладилась работа, Лена заявила буквально следующее:

– Дорогой, я тебя люблю!

– Я тебя тоже, – ответил я, думая о том, как можно вообще противостоять страшной инфекции, если даже не знать ее особенностей, а ведь врачи прошлого, несмотря на огромные

эпидемии, мало что знали о чуме. Они просто не успевали про нее ничего написать, поскольку умирали вместе со своими пациентами...

– Оторвись на секунду! – потребовала жена. – Нам надо очень серьезно поговорить.

– Да, да, я тебя тоже люблю, – повторил я.

Последняя моя фраза почему-то вызвала неадекватную реакцию со стороны Лены. Она ни с того ни с сего схватила вазу – антикварную вещь! – и запустила ею в меня. Хорошо еще, что попала в стенку над моей головой.

– Это еще что?! – строго спросил я, пытаюсь вспомнить какую-то чрезвычайно важную мысль о первых микробиологических исследованиях, проводившихся Самойловичем.

– Я уйду из дома! – закричала жена, зачем-то срывая шторы с окна. – Живи со своими дурацкими книгами, потому что с людьми тебе жить нельзя!

«Весьма точное замечание», – отметил я про себя. Я вообще по своей натуре домосед. Терпеть не могу ходить в гости, в театры, на разные презентации и в любые другие места, где собирается сразу больше двух человек. Во-первых, большая вероятность подцепить от них какую-нибудь контактиозную инфекцию, а во-вторых, все равно ведь ничего умного не скажут...

Лена тем временем продолжала портить мне настроение. Она схватила с книжной полки цветную фотографию, снятую во время совместного нашего путешествия в Грецию, и порвала ее в клочья.

– Ты что, с ума сошла? – спросил я. – Это же память о посещении развалин храма Афины Паллады!

– Все! – сказала она. – Закрой за мной дверь...

– Когда ты вернешься?

– Никогда!

Как же женщины любят оставлять последнее слово за собой в таких вот разговорах! Проговорив «никогда», Лена повернулась и ушла, прихватив с собой заранее собранный чемодан со своими вещами. Сделала она это настолько стремительно, что я даже не нашелся, что ей ответить, как удержать.

Когда я наконец смог подняться из-за рабочего стола, то Лены и след простыл. Я, правда, успел подойти к окну и краем глаза заметить красивую белую иномарку, в которую усаживалась моя жена. Помогал ей в этом какой-то невзрачный лохотный типчик в потертом джинсовом костюме. Мало того, что он был на целую голову ниже моей длинноногой жены, он еще страдал радикулитом. Это я сразу определил, как только его скрючило, когда он укладывал чемодан Лены в багажник.

«Ну и ну, – подумал я, качая головой. – Вот, значит, на кого ты меня променяла... Смешно!.. Как это поется? “Уходит женщина к другому, но неизвестно, кому повезло...” Кажется, так. Ну, ничего! Побегает, побегает и назад прибежит. Ничего. Будем ждать...»

Несколько успокоившись, я попытался снова усесться за работу, но до конца дня так и не смог как следует сосредоточиться.

«Наверное, я все-таки жуткий эгоист, – подумалось мне. – Несомненно, Лена права...»

Сейчас, по прошествии времени, припоминая события того дня, когда меня бросила Лена, я никак не могу взять в толк, почему не подумал о том, что ее уход может хоть каким-то образом быть связан с ее увлечениями последних месяцев? Я даже не заподозрил, что этот ее поступок специально спровоцирован сектантами. Таким образом секта, носившая название «Дети Шивы», как выяснилось позднее, открыла свой «сезон охоты»...

* * *

А утром в четверг я прибыл в медицинский центр, главным врачом которого являюсь. Именно по четвергам я проводил совещания и принимал больных. Все остальные дни недели коллектив опытных сотрудников в центре «Панацея» преспокойно обходился без моего присутствия, и это меня вполне устраивало.

Выслушав доклад своих заместителей о текущих делах, я дал им несколько ценных указаний и совсем было уж собрался начать прием посетителей, каковых набралось без малого пятнадцать человек, как вдруг мое внимание привлекла передача, шедшая по телевизору, который работал в нашей комнате отдыха для персонала. Передача называлась «Криминальный патруль».

– В среду вечером обнаружен труп молодой женщины в ее собственной квартире, – вещал голос за кадром так, будто сообщал о котировке валют. – По мнению соседей, убийство мог совершить молодой мужчина приятной наружности, пришедший в гости к женщине во вторник вечером...

Когда я взглянул на экран, как раз показывали крупный план лица убитой. Это была Марина Кожедубова, работавшая медсестрой в моем медцентре. Кроме того, она являлась давней подругой моей жены. Не узнать Марину я просто не мог. Увиденное так потрясло меня, что я на какой-то миг лишился дара речи.

– ...Особенностью этого преступления, как заметил следователь прокуратуры, является то, что жертва совершенно обескровлена, – закончил свой комментарий невидимый тележурналист.

«Криминальный патруль» рассказывал о задержании двоих рецидивистов, подозреваемых в совершении грабежей в районе аэропорта Шереметьево-2, но я этого слушать уже не мог. В голове у меня стучалась одна и та же страшная мысль: а что, если и с Леной случится такое же?.. Ведь именно Марина Кожедубова втянула несколько месяцев назад мою жену в эту чертову секту. Обескровленное тело... А вдруг этим сектантам понадобилась человеческая кровь для исполнения каких-то своих ритуалов? Значит, они и с моей Леной могут поступить вот так же!..

Нет, ни о какой работе я больше не мог думать. Отменив прием больных, я устроил хорошую нахлобучку одному из своих замов за то, что он вовремя не сообщил мне об отсутствии на работе медсестры Кожедубовой, а затем, припомнив, что у моей общительной супруги была еще одна близкая подруга, с которой она дружила еще со школы, помчался к ней домой. По дороге я вспомнил и то, что Вика Сергеева тоже имела прямое отношение к секте «Дети Шивы». Прямо все бабы помешались на этих чертовых сектантах!

Домохозяйка Вика проживала вместе с мужем, двумя детьми и тремя собаками в шестнадцатиэтажной башне неподалеку от гостиницы «Космос». Как у нее хватало времени на регулярные посиделки в общине «Дети Шивы», этого я до сих пор понять не могу. Ну, о своей жене я уже и не говорю. Она-то у меня человек достаточно свободный. С последней работы уволилась год назад и больше никуда устраиваться не пожелала. Да я, естественно, и не настаивал.

Оставив свой жигуленок у подъезда, я вошел в дом и, поднявшись в лифте до шестнадцатого этажа, позвонил в дверь квартиры Сергеевых. Мне открыли без промедления. На пороге стояла свежая после утреннего душа Вика в коротком халатике, накинутом на голое тело.

– Это ты? – почему-то не удивилась она. – Погоди, я собак запру в Мишином кабинете...

Я вообще-то хорошо отношусь к собакам, но с тремя королевскими догами мраморного окраса, живущими у Сергеевых, предпочитаю не встречаться. Это небезопасно. И не потому, что они злые. Они чересчур игривые. Когда видят меня, норовят тут же сбить с ног на пол и обнюхивать все лицо. А я, признаться, этого терпеть не могу.

Заперев собак, Вика снова открыла входную дверь и пригласила меня пройти на кухню.

– Что случилось? – спросила она.

– Где твои дети? – вопросом на вопрос ответил я.

– У свекрови в деревне.

– Это хорошо.

– Так все-таки, что у тебя произошло? – настаивала Вика.

– Будто сама не знаешь. Лена ушла, – сказал я и как-то по-детски всхлипнул. – Ты не знаешь, где находится штаб-квартира «Детей Шивы»? Ты ведь тоже посещаешь их собрания...

– Но у них нет штаб-квартиры! – воскликнула Вика.

– А что же у них есть? Где они охмуряют бедных заблудших женщин, которые бросают из-за них свои семьи, оставляют мужей?..

– Не говори глупостей!

– Ну, конечно! Все, что я говорю, это глупости! Все, что я делаю, это тоже никому не нужно! Вы добиваетесь только того, чтобы ваши мужья сидели у вас под каблучком и не проявляли самостоятельности. Хорошенькое дело! В этом вы не оригинальны. Об этом мечтают все жены во всем мире... Но со мной этот номер не пройдет! Не выйдет, дорогие мои! Я не позволю!..

Чего «не позволю», я договорить не успел, поскольку меня прервал дикий лай псов, которых потревожил мой слишком резкий тон.

– Тихо! Молчать! – успокоила своих кабыздохов Вика и обратилась ко мне: – А что ты хотел? Тебе не нужна жена, тебе вообще никто не нужен! Кто бедная Лена у тебя в доме? Прислуга! У нее даже по твоей милости детей нет...

– Она сама не хочет! – попытался я вставить хоть слово, но Вика уже не могла остановиться, ее понесло.

– Вы же с ней до сих пор даже не расписаны! Что? Не нашел время сходить в ЗАГС? Она страдала, мучалась от неопределенности ваших отношений!

– Жили не хуже других, а штамп в паспорте – это не самое главное! – огрызнулся я.

– В общем, с тобой все ясно. Ты, Знаменский, кретин, каких еще свет не видывал!.. Это я тебе от Лены официально передаю. Ее слова.

– Вы сами дуры! – вскричал я, но рычание собак из кабинета Михаила заставило меня снова заговорить на полтона ниже. – Ты знаешь, что произошло с Мариной Кожедубовой? Ее убили вчера в ее собственной квартире... Телевизор надо смотреть!

– Да ты что? – ахнула Вика. – Этого не может быть!

– Подозрение падает на ваших сектантов, – схитрил я. – Ты хочешь, чтобы они так же расправились с Леной, а потом взялись и за тебя?

– Что ты несешь? «Дети Шивы» – это божественное откровение, это любовь к каждой букашке, это...

– Короче, Вика! Если не хочешь стать пособницей убийц, то немедленно выкладывай адрес, где обитает тот хлюст, который увез Лену на белой иномарке! – проговорил я с таким напором, что Сергеева не устояла.

– Так тебе его адрес нужен? Так бы сразу и сказал! Вот тебе адрес: улица Плющиха, дом... Извини, не помню номера дома. Но его легко отыскать. Там раньше находилась средняя школа или ПТУ, в общем, трехэтажное типовое здание. Напротив строящегося жилого дома. Сразу узнаешь.

* * *

Старинный трехэтажный дом из красного кирпича я нашел без большого труда, поскольку Вика довольно точно описала его, да и другого подобного здания на Плющихе все равно не было.

Когда я подошел к входным дверям без всякой вывески и назвал свое имя в переговорное устройство, двери сразу распахнулись, как будто меня здесь очень ждали. Кстати, похоже на то, что действительно ждали, подобное умозаключение я могу сделать хотя бы потому, что в прихожей – небольшой проходной комнате – меня поджидал тот самый типчик, что увез мою жену. При более близком рассмотрении я открыл для себя, что этот коротышка ко всему прочему еще и мулат, на лицо которого нанесено не меньше килограмма отбеливателей, чтобы скрыть его темный цвет кожи.

– Александр Григорьевич Знаменский? – спросил он каким-то приторно-сладким голосом.

– Значит, вы хорошо знаете тех мужей, у которых уводите жен?! – вскричал я, но тут же взял себя в руки.

– Очень приятно! – не обращая внимания на мой тон, произнес мулат. – А меня величают Владимир Аликаимович Нгомо, но для друзей я просто Владимир Аликович...

В тоне этого человека, в его глазах было что-то завораживающее, как у удава, гипнотизирующего кролика.

– Где моя жена?.. – попытался заорать я что было мочи, но что-то во мне самом помешало этому, и я задал вопрос вполголоса.

– Все в порядке, Александр Григорьевич. Вы увидите свою жену, непременно увидите. Она чувствует себя прекрасно. Ей у нас очень нравится. Пойдемте ко мне и там побеседуем. Мне так приятно вас видеть у себя!..

На его любезные слова я не нашелся, что ответить, хоть и попытался убедить себя: «Не верь!» Весь мой боевой задор, который я копил и берег еще со вчерашнего дня, рассосался мгновенно, как гематома под воздействием умелого целителя.

Мулат Нгомо провел меня по путанице каких-то узких коридоров, по которым я, возвращаясь один, вряд ли нашел бы дорогу назад, несмотря на свою в общем-то хорошую зрительную память. Что меня еще насторожило в этой прогулке? То, что на нашем пути не встретилось ни одной живой души, будто бы люди, работавшие здесь, оповещенные заранее, в ужасе разбежались при нашем приближении. В конце концов Нгомо завел меня в полутемное помещение с занавешенными окнами и, не включая свет, уселся на вращающийся винтовой стул, напоминавший большой гриб-боровик с плоской шляпкой сиденья. Меня он сесть не пригласил. Видимо, в его планы не входило задерживать меня здесь слишком долго. Да, собственно, сидеть-то было и негде, поскольку в этом помещении находился всего-навсего один стул.

– Прошу взглянуть вот сюда! – указал он на стену справа от входа и при этом щелкнул каким-то тумблером на пульте управления, появившемся у него в руке.

На моих глазах с обычной стеной произошла некая трансформация. Она как-то особенно истончилась и растворилась совсем, позволив ворваться в помещение потоку яркого света. Моим глазам открылся внутренний двор здания. Там играли, переливаясь всеми цветами радуги в солнечных лучах, струи фонтанов, цвели необычайно яркие цветы неведомых мне экзотических видов. В цветах копошились попугаи и какие-то совсем мелкие птицы типа колибри. В общем этот сад, разведенный во дворе, должен был, по-видимому, походить на райский Эдем, в котором имели счастье проживать прародители всего человечества до тех пор, пока не вкусили запретного плода.

Сначала я не заметил в цветнике людей, но, взглядевшись повнимательнее, увидел нескольких молодых женщин, устроившихся в одном из самых укромных уголков сада, затемненным кронами четырех деревьев, напоминавших пальмы, но с гораздо большим количеством листвы. Эти кроны создавали эффект своеобразного шатра, укрывавшего женщин от солнца.

Женщины расслабленно возлежали на коврах ручной работы, а рядом с ними находились подносы с разнообразными фруктами и восточными сладостями, кувшины с напитками. В общем, «Тысяча и одна ночь». Женщины грезили, находясь в состоянии медитации.

Неожиданно укромный уголок приблизился к нам, и я смог увидеть среди отдыхающих «нимф и пери» свою Лену. В этот момент она будто почувствовала, что я смотрю на нее, расслабленно приподнялась на ложе из мягких подушек и томно помахала кому-то рукой. Мне почему-то очень захотелось поверить, что приветствует она именно меня. Но нет, приветствовала она свою подругу Марину Кожедубову, которая появилась возле фонтанов и, сорвав цветок азалии, неторопливо направилась в ту сторону, где возлежали Лена и другие женщины.

И тут меня будто обухом по голове ударили. Кожедубова! Как она могла здесь оказаться? Она же мертва со среды... Это черт знает что! Выходит, я ошибся? И ее никто и пальцем не тронул? А кто же тогда убит? В «Криминальном патруле» врать не станут. Значит, убита какая-то другая женщина, только внешне похожая на Кожедубову. В конце концов, в той телепередаче не назвали убитую по фамилии. Да и живет Марина в другом конце города... Фу! Ну и дурак же я! Таких кретинов больше нет. Я последний!

Нгомо выключил свой «телевизор», и стена вернулась на прежнее место. А я, который никогда и ничему не верил, даже собственным глазам, подошел и потрогал стену рукой. Стена как стена! Вроде бы ничего особенного. Но я, честно сказать, плохо разбираюсь во всех этих электронных видеосистемах, и тут из меня эксперт, прямо скажем, никакой.

– Вы довольны, Александр Григорьевич? – опять обдал меня липкой патокой голос Нгомо. – Как видите, вашей жене здесь хорошо. У нее был нервный срыв, только и всего. Мы помогаем таким пациентам прийти в норму, снова ощутить все прелести жизни, радость бытия. Практически мы заново возвращаем их к жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.